

Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр

К.Ф.ЖАКОВ. ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

Труды Института языка, литературы и истории
Выпуск 55

Сыктывкар 1993

К.Ф. ЖАКОВ. ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА.- Сыктывкар, 1993.- 164с. (Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО Российской академии наук; Вып.55).

Основу настоящего сборника составляют материалы региональной научной конференции "Наследие К.Ф.Жакова и развитие культуры финно-угорских народов", посвященной 125-летию со дня рождения выдающегося коми писателя и философа К.Ф.Жакова (Сыктывкар, 16-18 октября 1991).

Авторы статей рассматривают биографию К.Ф.Жакова, его философские и педагогические взгляды, анализируют его прозу, поэзию, эстетику. Большое внимание в сборнике уделено исследованию эпохи К.Ф.Жакова, его связей с русской и финно-угорскими культурами, осмыслению феномена К.Ф.Жакова как явления финно-угорской культуры.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей и студентов, учителей школ, всем, кто интересуется коми и финно-угорской культурой.

Редакционная коллегия

В.Н.Демин, А.К.Микушев (отв.редакторы), И.Л.Жеребцов,
Г.К.Лисовская (отв.секретарь), А.Д.Напалков

К.Ф.ЖАКОВ И ПЕРВЫЕ УДМУРТСКИЕ ПИСАТЕЛИ: ТИПОЛОГИЯ ТВОРЧЕСКИХ ПОИСКОВ

А.Г.Шкляев

(Удмуртский госуниверситет, Ижевск)

Открытие творческого наследия К.Жакова, которое для коми литературоведения и в целом для финно-угроведения пребывало "вещью в себе", заставляет вносить коррективы и в понимание истории удмуртской литературы. В признании творчества К.Жакова как выдающегося явления коми национальной культуры видится новый, более широкий взгляд на историю зарождения и развития финно-угорских, в частности, пермских литератур. Дело не только в том, что литературоведение снимает с себя идеологические шоры и восстанавливает целостность литературного процесса, но шире, глубже и историчнее понимается сама категория национального. Под национальным имеется в виду не только то, что составляет гордость с точки зрения той или иной партии или идеологии, но весь спектр явлений, имеющих отношение к нации. Долгое время по причинам идеологического и чисто методологического характера история молодых национальных литератур искусственно сужалась: из нее фактически изымались (как антинародные) произведения, написанные священниками; как ненациональные — произведения, написанные на русском языке; как нехудожественные — произведения, которые не укладывались в рамки традиционных, исторически позднее сложившихся жанров. Финно-угровское литературоведение в общем и целом успешно избавляется от такого догматического отношения к национальному наследию. К.Васин уже давно реабилитировал всю дореволюционную марийскую литературу, справедливо считая, что, во-первых, в XIX в. марийские писатели, не имея возможности публиковать свое оригинальное творчество на родном языке, писали по-русски; что, во-вторых, работая над переводом священных писаний, они совершенствовали

литературный язык подобно М.Лютеру, который переводом Библии "вычистил авгиевы конюшни немецкого языка" и тем самым "создал современную немецкую прозу" (Ф.Энгельс); что, в-третьих, "были целые эпохи, когда литература, притом художественная, слагалась из совершенно других элементов" (Н.Конрад), чем поэзия, повествовательная проза и драма.¹ Венгерский ученый Петер Домокош в 1975 г. писал, что "написанные на русском языке произведения – такая же органическая составная часть молодых финно-угорских литератур, как и латинские стихотворения Януса Паннионуса в венгерской литературе, шведские стихи Л.Рунеберга в шведской".² Такая точка зрения на истоки и первые шаги национальной литературы еще не возобладала в удмуртской науке, и многие памятники письменности, имеющие несомненные художественные достоинства, а также произведения синкретического характера отлучаются от удмуртской литературы. С одобрения ученых в 1989 г. было широко и торжественно отмечено, как потом выразился Петер Домокош в докладе на VII Международном конгрессе финно-угроведов, "так называемое столетие удмуртской литературы".³ Венгерский ученый деликатно намекнул, что "столетие удмуртской литературы" имеет довольно условный характер. Если за точку отсчета литературы берется 1889-й – год выхода стихотворения Г.Верещагина "Сизый, сизый голубочек...", написанного на основе удмуртской народной песни, то за ее пределами остаются не только панегирическая поэзия ХУШ в. на удмуртском языке и вся переводная религиозно-житийная литература XIX в., но и "этнографическая проза" Г.Верещагина, прежде всего "Очерки вотяков Сосновского края", изданные в С.-Петербурге в 1884 и 1886 гг. "Двухсотлетняя удмуртская литература делима на пять основных периодов. Ее первый период, в основном, – с семидесятых годов ХУШ века до 1889 г.",⁴ – писал Домокош еще в 1975 г. При таком широком взгляде на первые периоды удмуртской литературы приобретают свои национальные и литературно-художественные права и "русская" "этнографическая проза" Г.Верещагина, и написанная по евангельским мотивам "русская" повесть И.Михеева "Три года дьявола возил", и др.

Пытаясь обозначить мир "этнографической прозы" Г.Верещагина, ученые-историки дали ей филологическое опре-

деление: "этнографическая повесть".⁵ В самом деле, чисто научные фрагменты, собственно фольклорные тексты, циклы рассказов о мифологических существах, об удмуртских батырах, кладах, верованиях, зарисовки быта скомпонованы так, что "очерки" оставляют ощущение художественно целого произведения. "Необходимо также отметить, — считают те же авторы, — высокохудожественный стиль изложения материала (небезынтересно указать, что автор — прекрасный литератор...)"⁶. Достаточно вчитаться в какой-нибудь абзац, чтобы понять: перед нами художник. "Везде царствовала мертвая тишина, как будто вся деревня была заколдована, заключенная в крепкие узы сна. Огней в избах не было нигде. На небе горели мирады ярких звезд, напоминающих собой люстру со множеством зажженных в церкви во время всенощной свечей".⁷ Многие отрывки "очерков" являются не только "жанровыми сценами", "живыми картинками повседневной жизни крестьян",⁸ но уже почти сформировавшимися рассказами. Один из фрагментов прозы Г. Верещагина, который может считаться первым удмуртским рассказом, условно назван "Гуждор". "На другой день Гырны-потона собираются в поле и составляют пирушку Гуждор — "край, начало лета". На этом празднике я сам имел случай присутствовать. 27 апреля 1882 года я случайно получаю от знакомого мне крестьянина-вотяка деревни Кайсыгурта, Назара Васильевича, записку, в которой, между прочим, читаю следующее: "приезжайте на наш вотский праздник Гуждор!" Прочитавши записку, я начал собираться в ту же минуту; подвода была послана за мной готовая и к тому же ямщик, привезший записку, торопил меня, уверяя, что на Гуждор уже собираются. Медлить я не стал, — сел и поехал с женой. В дороге от нечего делать я вошел в разговор с ямщиком-вотяком.

— Весело должно быть у вас на Гуждоре? — спросил я его.

— Как не весело: девки одеты хорошо, потчуют кумышкой, а кумышка все с медом, — ответил он.

— А меня будут потчевать?

— Как же, для того и праздник, чтобы девки потчивали; только дай немного денег".

Из диалога мы узнаем не только этнографические сведения, но видим характер молодого ямщика, мысли кото-

рого занимают девушки. Далее рассказчик подробно останавливается на том, как он вместе с сопровождающим его Назаром Васильевичем пьют у него дома чай.

— "А ведь так, Назар Васильевич, времени пролетит немало и мы не увидим Гуждор.

— Ничего,— ответил он,— на Гуждор собираются только сейчас.

— А зачем ямщик нам сказал, что Гуждор начался еще тогда, когда он отправлялся за нами?

— Врет,— ответил он, улыбаясь,— он думал, что отстанет от девок, поэтому и торопил вас".

Возвращаясь к разговору с ямщиком, автор как бы скрепляет части рассказа между собой, создает "сцепления". Следующие предложения как бы подтверждают предыдущее. "В самом деле, взглянувши в окно, я увидел группы разряженных вотячек, идущих, вероятно, на Гуждор. Напившись чаю, мы всей компанией отправились на праздник".

Уже этот отрывок "очерков" является самостоятельным, законченным, сосредоточенным в самом себе повествованием, и ему можно даже дать название: "Поездка на Гуждор". Но далее следует еще подробное описание Гуждора. Конечно, для этнографического очерка достаточно было бы простого описание праздника, совершаемых на нем обрядов, но для автора этого мало, у него есть своя сверхзадача. В начале повествования рассказчик спросил у ямщика, будут ли и его, рассказчика, потчевать? Теперь этот разговор тоже срабатывает, автор опять возвращается к нему. "...Во все время пред попами стоят женщины или девушки по очереди с кумышкой. Чтобы понять несколько слов попа, я подошел к костру и стал у него. Вдруг подходит ко мне низенький вотячок с трубкой в рту и, не вынимая трубку, говорит: клади деньги! даром не пей кумышку! Но денег я при себе не имел, надо было занять у кого-нибудь; к счастью, тут же рядом со мною стоял знакомый вотьяк: я занял у него десять копеек, и подошедши к елке, бросил на скатерть два пятака и отошел..."

Ямщик в рассказе не появился, но тема девушек еще напоминала о себе. Таким образом перед нами предстал не только праздник Гуждор, но на его фоне — пытливый рассказчик, узнающий деревенские типы, готовый засту-

питься за достоинство вотяков, когда их называют мышами (удмуртов обзывали раньше "саврасой мышью").

От рассказов - "осколков зеркал" Г.Верещагин шел к рассказам - "оптическим фокусам"⁹ со сложной композицией. Исследователь даже видит в поздних рассказах этнографа форму "Декамерона" Боккаччо. Только "здесь в центре внимания не любовные истории, а рассказы, возникшие в результате столкновения человека с языческими богами, мифологическими персонажами, или повествования о разбойниках, кладах и др."¹⁰ Судя по хронологии творчества, К.Жаков повторял примерно тот же путь в жанре рассказа. Рассказ как жанр вызревал в его этнографических очерках, на основе наблюдений над национальными особенностями своих сородичей, в его романтизированном или, как пишут в "Истории коми литературы", "жаковизированном" фольклоре".¹¹

Но если на фоне творчества К.Жакова мы заново открываем русскоязычные произведения удмуртских авторов как часть национальной удмуртской литературы, то в контексте творчества первых удмуртских писателей видна органичность творческих поисков самого К.Жакова для пермских литератур. Он отразил в своем творчестве многие из тенденций, которые просматривались позже в удмуртской литературе.

Наиболее близко перекликаются с творчеством К.Жакова искания Кедр Митрея, который хотел воссоздать древнюю историю своего народа в "исторической трилогии" ("Идна-батыр", "Эш-Тэрек", "Юбер-батыр") и, как Жаков с его романом "Сквозь строй жизни", попытался в романтическом духе осмыслить свой путь в повести "Дитя большого века". Кедр Митрей отбирал яркие романтические фигуры, которые обычно гибнут или терпят фиаско в столкновении с жестокой действительностью, или фигуры, которые несут на себе печать тайны. Так же, как Кедр Митрей, Жаков в качестве повествователя выбирает тонко чувствующего мир, впадающего в глубокую печаль или в романтический восторг молодого человека, путешествующего по деревням. У Кедр Митрея это исключенный из духовной семинарии безбожник, у К.Жакова - сын резчика, путешествующий по следам своего дет-

ства. У обоих писателей, тяготеющих к романтическому методу воспроизведения действительности, повествователь сетует на то, что современные люди обмелчали и не понимают мечтательного героя. К.Жаков склонен к поиску людей необыкновенных и по поступкам, и по их внутреннему миру. Это Парма Степан, который вскормил диких гусей, и те каждое лето прилетали к нему во двор с южного моря Саридз ("Парма Степан"), и один из рассказчиков, с кем были "звери и птицы дружны", чью дорогу "серый волк часто перебегал, ... искоса глядя маленькими глазами" ("Придаш"), и Тимка-ниший, рожденный матерью от медведя ("Пильвань"). По аналогии можно здесь вспомнить Дангыра из "Тяжкого ига" Кедр Митрея, который почти богатырь и почти урод; девушку Мати из одноименного рассказа К.Герда - красавицу, превратившуюся в лесную русалку. Таким людям тесно в действительности, "в одну линию расположенной жизни" (К.Жаков, "Этнологический очерк зырян"). Условия жизни кажутся им "узким горлышком бутылки" ("Удалец и музыкант Степан Васильевич"). Вместе с тем герои Жакова достигают столь высокого душевного порыва, что их переживания, их видение жизни превращаются в поэзию высшей пробы. Увлеченный астрономией, устремленный к вершинам духа, писатель, вероятно, и своих героев наделял этим качеством.

Как бы изолированно, в отрыве друг от друга ни развивались на рубеже XIX-XX в. финно-угорские литературы Поволжья и Урала, в них параллельно шли сходные процессы - с опережением или отставанием.

¹ Васин К.К. Просветительство и реализм, К проблеме генезиса социалистического реализма в марийской литературе.- Йошкар-Ола, 1975.- С.11,16,19.

² Domokos P. Az udmurt irodalom tortenete.- Budapest, 1975.- С.213.

³ Sessiones Plenares Dissertationes. Congressus Septimius Internationalis Finno-Ugristarum.- Debrecen 27.VIII - 2.IX.1990.- С.292.

⁴ Domokos P. Az udmurt irodalom tortenete.- Budapest, 1975.- С.544.

5 Цит. по кн.: "История удмуртской советской литературы в 2-х т. Т.1.- Устинов: Удмуртия, 1987.- С.27.

6 Владыкин В., Христолюбова Л. Пятьдесят лет своей жизни я посвятил науке... // Молот, 1981.- № 10.- С.53.

7 Верещагин Г. Воляки Сосновского края.- СПб., 1886.- С.109.

8 История удмуртской советской литературы в 2-х т: Т.1.- Устинов: Удмуртия, 1987.- С.27.

9 Русский советский рассказ. Очерки истории жанра. - Л.: Наука, 1970.- С.6.

10 Зуева А.С. Поэтика удмуртского романа.- Ижевск: Удмуртия, 1984.- С.6.

11 История коми литературы в 3-х т. Т.2.- Сыктывкар, 1980.- С.86.